

АЛЕКСЕЙ
БЕНЕДИКТОВ

ЗА БЕГ
БЕЗ
ФИНИША

Алексей Бенедиктов

Забег без финиша

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17200299
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Главные герои остросюжетного детектива «Забег без финиша», старший оперуполномоченный Степанов и его молодой помощник Сергей Смирнов, расследуют несколько особо тяжких преступлений, связанных с получением большого наследства, и выходят на след опасного рецидивиста по кличке Президент. Это дело в Екатеринбурге в наши дни неожиданно объединит оперуполномоченного Степанова с теми, кого он никогда не видел и не знал: бывшим следователем Санкт-Петербургской прокуратуры – Николаем Родионовичем Бурминым в далеком 1921 году, и с начальником оперативного отдела лагеря строго режима капитаном МВД – Павлом Смолиным в не слишком близком 1952 году. Называя свою работу по борьбе с преступностью «забегом без финиша», оперуполномоченный Степанов абсолютно прав, хотя он так и не узнает о том, что произойдет чуть позже за пределами России.

Содержание

Глава 1	16
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алексей Бенедиктов

ЗАБЕГ БЕЗ ФИНИША

Любое совпадение персонажей или событий с реальными лицами или происшествиями может быть только случайным.

Автор

1921 год. Петроград

Ресторан «Палас», конечно же, знал и гораздо лучшие времена. Когда-то был здесь богаче и изысканнее выбор блюд, вин, да и публика в зале изменилась в худшую сторону. Впрочем, остатки роскоши и стиля ещё встречались.

По ресторанному времени только-только начинался легкий разгул пока еще не перешедший в тяжелый кураж. Солисты и оркестр исполняли в основном цыганские таборные песни и городские романсы с достаточно печальным взглядом на человеческую жизнь и любовь.

За одним из столиков в дальнем углу сидели двое молодых мужчин – сотрудники Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, и мужчина в пенсне гораздо старше их по возрасту – бывший следователь по важнейшим делам при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты, бывший надворный советник Николай Родионович Бурмин. Последние полгода Николай Родионович выполнял роль, как бы консультанта чекистов по уголовным

делам, хотя по бумагам в их ведомстве был оформлен в достаточно странной должности – совместителя-секретаря.

Оба молодых человека чувствовали себя скованно и напряженно, а бывший следователь – напротив с аппетитом поглощал холодные закуски. Вначале он легко разделался с янтарным балычком и семгой, потом сразу настал черед окорока с хреном, а после должны были подать сборную селяночку с расстегайчиками. И хоть водочку «смирновку» принесли не во льду, ломтики окорока были нарезаны отнюдь не полагавшейся бумажной толщиной, а расстегайчики значились в меню без налимьей печенки, все равно по смутному военному времени жаловаться на стол было просто грешно.

Чекисты Петрограда разыскивали особо опасного преступника Арсения Рушенкова по кличке Кнут. Кличку свою этот уголовник полностью оправдывал, отличаясь особой жестокостью. Месяц назад при попытке задержания Рушенков одного чекиста убил и тяжело ранил еще троих человек, оказавшихся случайными свидетелями.

Сегодня днем в один из райотделов ЧК Петрограда поступила информация о том, что вечером в ресторане «Палас» у Рушенкова должна состояться деловая встреча с каким-то налетчиком из Ростова. На место предполагаемой встречи были отправлены трое сотрудников райотдела.

– Господа... Простите, товарищи, очень рекомендую закусить поплотнее... И, кстати, внимания меньше будьте к себе привлекать. В таких заведениях принято вкушать и пить, –

Николай Родионович Бурмин достал из жилетного кармана золотые часы открыл крышку. – Судя по времени, думаю, господин Рушенков уже не пожалует.

– Мы сюда, между прочим, не есть пришли, – холодно заметил самый молодой чекист.

– Заказ-то сделан, оплачивать все равно придется. Что ж теперь добру пропадать, – Николай Родионович промокнул губы салфеткой. Взгляд его скользнул по залу и задержался на шатенке лет тридцати с роскошными волнистыми волосами до плеч, удивительно мягкими чертами лица и задумчивым взглядом. Она сидела за одним столиком с бледным мужчиной, имевшим классическую внешность непризнанного гения, поэта и кокаиниста одновременно. Он что-то говорил ей, возможно, читал стихи.

«Какая женщина... Господи, какая женщина... Богиня Печали...» – Николай Родионович Бурмин очень тихо вздохнул и налил себе «смирновки» из графина. «Конечно, ничто не повторится... Ушла молодость... Не ушла, а канула...»

Звук выстрела прервал раздумья бывшего следователя и надворного советника Бурмина. У входа в зал стоял элегантно одетый мужчина средних лет. В правой руке он держал маузер, в левой – зажженную папиросу. Двое мужчин сопровождавшие его выглядели значительно проще. Одеты они были в кожаные куртки, брюки галифе, на ногах сапоги. Оба сжимали по револьверу.

Затих оркестр и прозвучал голос мужчины с маузером:

– Дамы и господа, не стоит беспокоиться! Это всего лишь налет! Прошу приготовить... Я уверен, вы все уже сообразили, что надо приготовить. Как приятно иметь дело с умными людьми...

Самый молодой чекист потянулся правой рукой к внутреннему карману пиджака, но поймал взгляд Николая Родионовича. Старый следователь отрицательно покачал головой.

«При таком количестве людей... На таком расстоянии... Из *короткоствольного* оружия и сразу стрелять... Молодость... И я был таким же только с хорошим образованием и без бредовых идей о всеобщем равенстве и полном искоренении преступного мира...» – подумал Николай Родионович Бурмин. Он уже определил, что ворвавшийся налетчик не Арсений Рушенков по кличке Кнут, а кто то другой – «В зале их трое... Сколько еще ждет на улице?... Итак, их как минимум трое... И, похоже, в своем деле не новички... А мне на моих подопечных-помощников лучше не рассчитывать... Жаль... Очень жаль, если придется расстаться со швейцарским хронометром... Не хочется... Да и в портмоне не пусто... Вот так последнее время всегда – кто-нибудь или что-нибудь испортит настроение или, как минимум, аппетит...»

А элегантно одетый налетчик в сопровождении одного из своих дружков (второй остался у дверей) не спеша двигался между столиков собирая бумажники, кольца, серьги, браслеты... Добыча отправлялась в портфель, а мужчина с мау-

зером успевал еще сыпать не слишком тонкими шутками и извинениями.

– Благодарю, мадам, – налетчик передал напарнику только что снятое с женщины кольцо. – Поверьте мне, теперь вы выглядите значительно моложе...

– Деточка, такое кольцо слишком вульгарно выглядит на твоих изящных пальчиках... Сними его...

– А ты, пузатый, я вижу по глазам: ты тоже хотел бы порадовать меня подарком. Я угадал?...

Одна из женщин попыталась прикрыть ожерелье боа, но это не ускользнуло от грабителей:

– Мадам, ну зачем же так... – дулом маузера мужчина чуть отодвинул боа. – Теперь я просто вынужден конфисковать *вещицу*. Такое время, мадам. Увы, такое время.

Уже треть зала навсегда рассталась с ценными вещами и деньгами, когда один основательно выпивший мужчина умудрился вытащить свой револьвер, покачиваясь подняться из-за стола и сделать шаг по направлению к налетчикам, еще и крикнув:

– Хамьё!! Хамы!..

– Валет! Справа! – скомандовал главный в тройке своему напарнику.

Валет выстрелил, и раненый в грудь мужчина, рискнувший вступить в схватку с грабителями, рухнул на чей-то столик.

В зале началась паника: кто-то падал на пол, кто-то вска-

кивал и пытался бежать.

Налетчики поспешили к выходу. За ними вдогонку рванулись и сотрудники ЧК. Когда через толпу перепуганных людей двое молодых чекистов все-таки выскочили на улицу, трое преступников уже подбегали к углу дома.

Оба чекиста открыли огонь из двух наганов, но все их пули почему-то летели мимо целей. Отставший на несколько секунд, к коллегам присоединился совсем запыхавшийся бывший следователь и бывший надворный советник Николай Родионович Бурмин. Он поправил пенсне, и только один раз выстрелил из своего старенького револьвера карманно-полицейской модели «Сент-Этьен». Мужчина с маузером упал на мостовую, а его напарники скрылись за углом, и оттуда сразу же донесся шум отъезжающего автомобиля.

Сотрудники ЧК подошли к лежащему мужчине. Николай Родионович нагнулся над ним и понял, что выстрел оказался смертельным.

– Как вы его... – с нескрываемым восхищением тихо произнес самый молодой из чекистов.

– Возраст, господа, возраст. Природу не обманешь. Одышка, рука уже не та... – бывший следователь и бывший надворный советник покачал головой. – Никогда так не стреляйте. В ноги надо попадать, в ноги, а не в сердце.

– Это не Кнут...

– Нет, не он, – Николай Родионович чуть развернул голову налетчика. – Если мне не изменяет память, то это Ан-

дрей Морозов по кличке Бурый. Сидел дважды, оба раза за разбой... И ещё, если мне не изменяет память, есть у него младший брат. Впрочем, надо посмотреть по картотеке...

1952 год. Красноярский край

В штабном бараке, в кабинете лагерного оперуполномоченного, хозяин кабинета тридцатилетний капитан МВД Павел Григорьевич Смолин с интересом смотрел в окно. На капитане была безупречно подогнанная и отутюженная форма. Портупея обозначала талию и подчеркивала ширину плеч, начищенные до блеска сапоги сверкали. Тонкие, благородные черты лица, задумчивый взгляд, изящные пальцы рук – было в этом человеке что-то от внешности Печорина.

Капитан Смолин любил психологические портреты и психологические этюды. Сейчас он наблюдал, как от третьего барака, куда ночью поселили новый этап, в сторону пищеблока шел зек. Кто этот заключенный, Павел Григорьевич не знал, лица его из-за большого расстояния не видел, да и с личными делами всех новеньких еще не ознакомился. Поэтому только по походке, капитан Смолин пытался определить *масть* новичка. Наметанный глаз опера сразу и безошибочно отметил, что, судя по отсутствию характерных разболтанных движений, заключенный никак не блатной. На особый батальон – «зеленого» – тоже не тянул: выправка не та, не военная.

«Значит, или фраер или *красная шапочка*...» – решил ка-

питан Смолин.

В дверь тихонько постучали.

– Да... – отозвался оперуполномоченный.

– Разрешите, гражданин начальник?... – на пороге стоял молодой человек лет двадцати, среднего роста, одетый в зек-ковскую форму.

– Проходите, заключенный Зубов.

Молодой человек плотно закрыл дверь и приветливо улыбнулся:

– Здравия желаю, товарищ капитан.

– Привет, Михаил. Садись.

В кабинете находились двое связанных невидимой, но очень прочной нитью: лагерный оперуполномоченный – кум, и один из его агентов – тоже сотрудник МВД – Михаил Зубов, проходящий в служебных документах под рабочим псевдонимом Сибиряк.

Капитан Смолин отошел от окна и сел за свой стол, на котором царил идеальный порядок: строго по центру письменный прибор, слева – аккуратно уложенные папки, справа – стопочка бумаги и стеклянная пепельница.

За спиной кума на стене висел портрет отца всех угнетенных народов товарища Сталина.

Капитан достал трофейный позолоченный портсигар, щелкнул кнопкой и вытащил сигарету «Друг».

– Будешь? – оперуполномоченный протянул портсигар.

– Спасибо, товарищ капитан. Я только на зоне курю. Не

хотел бы втянуться, – молодой человек опустил на табуретку.

– Молодец, – капитан Смолин одобрительно кивнул. – Привычка дурная – ничего не дает. Я вот все собираюсь бросить...

Павел Григорьевич не спеша прикурил от миниатюрной зажигалки и пододвинул к себе пепельницу.

Навалились невеселые мысли. Настроение у капитана испортилось. В конце августа в лагере произошел третий за лето побег. Конечно, летом всегда учащались попытки заключенных вырваться на свободу, но дело было даже не в этом. Последний побег оказался для бегущих удачным. Задержать, а позже обнаружить никого не удалось.

Ушли на рывок дерзко, сразу после развода, когда бригада уже следовала из жилой зоны на объект. Оцепление не снимали круглые сутки. Пять суток прочесывали ближайший лесной массив до болота, но нашли только вохровскую овчарку, зарезанную недалеко от места побега.

Третий побег за неполных три месяца – это, пожалуй, для одного лагеря многовато. Так много, что на погоны оперуполномоченного, возможно, больше и не упадет ни одной новой звезды, да и сами погоны могут полететь вместе с их обладателем.

«Сучье племя... Только самогон и спирт жрать могут... – зло подумал капитан Смолин о конвоирах. – Стрелки хреновы... Из четверых ни одного не положили... Надо будет с

ними разобраться...»

– Жаль, мы тебя до побега не успели внедрить, – Павел Григорьевич элегантно движением стряхнул с сигареты пепел.

– Знаю, ушли все четверо.

Капитан затушил сигарету:

– Закончили о прошлом. Выкладывай, что узнал.

– Морячок к голодовке готовится.

– К голодовке?

– Да.

– Уверен?

– Сам видел, товарищ капитан, как он позавчера в миске в воде с сахаром полотенце замачивал.

– Значит, подкормку для себя подготавливает, – оперуполномоченный недобро усмехнулся. – Ну, ладно, пусть готовится. Он у меня поголодает по полной программе.

– Слух прошел, что на Тюменской пересылке кого-то из наших подкололи.

– Чья работа?

– Не говорили.

– Узнаешь? – оперуполномоченный вопросительно посмотрел на собеседника.

– Попробую.

– Теперь о главном. Нам бы Халву на более тяжелую статью перекинуть.

– Свой круг у него и сам он осторожный.

– Поэтому и сел всего на семь лет, а для такого урки это не срок. И из этого срока ему за колючей меньше года осталось. Не успеем – на волю упорхнет, как голубь мира, – капитан слегка постучал пальцами по столу. – Впаять бы ему еще червонец... Знаешь, кто его старший брательник был?

– Наслышан.

– Андрей Морозов по кличке Бурый – налетчик в Питере. Еще до революции сидел, потом с размахом гулял, пока не пристрелили при задержании. А Сергей Морозов, он же Халва вот шулером стал. Это уже классом повыше.

– Почти династия уголовная.

– А ты как думал? Если есть династии хлебобобов и военных, значит и в блатном мире они есть...

– Диалектика.

– Перехватили маляву от женщины его. Пишет что ждет.

– Поищу варианты, как можно к нему подобраться, товарищ капитан.

– Поищи на чем можно его подловить, потом вместе обсудим...

Оперуполномоченный встал. Поднялся и гость.

– Осторожней работай.

– Пока я, вроде, вне подозрений.

– Именно «пока». Если в лагере выяснят кто ты на самом деле... Сам знаешь, для блатных *землянуть* подсадную утку просто праздник.

В кабинете возникла короткая пауза.

– Я фраер по всем статьям.

– Фраер по всем статьям... Не держи спину слишком прямо, сутулься чуть-чуть. Не первый раз говорю, а то у тебя осанка, как у барышни из института для благородных девиц.

– Учту.

– Ну, действуй по обстановке, – кум слегка хлопнул агента по плечу.

– До свидания, товарищ капитан.

– Счастливо.

Когда молодой человек вышел, старший оперуполномоченный Павел Григорьевич Смолин, достал новую сигарету из портсигара и снова подошел к окну.

«Может и получится... Парень наблюдательный, память цепкая, хорошо в контакт входит – не сразу втирается, а потихоньку... Похоже, и в роль вжился... Ещё бы удача от него не отвернулась...»

Тогда капитан Смолин не знал, что это была его последняя встреча со своим агентом, которого вскоре раскроют и жестоко убьют люди из окружения Сергея Морозова.

Глава 1

2001 год. Москва

Месяц назад Октябрине Сергеевне Илларионовой исполнилось семьдесят семь лет. Возраст давал о себе знать всё чаще и чаще. Вот и сегодня Октябрина Сергеевна почувствовала сильную головную боль, снова появилось онемение на правой половине лица и затруднение речи. Женщина приняла таблетку адельфа, потом выпила валокардин.

После такого курса самолечения Октябрина Сергеевна минут тридцать терпеливо ждала улучшения, но головная боль ничуть не уменьшилась, а онемение прошло лишь частично. Пришлось вызывать скорую медицинскую помощь.

Доктор внимательно выслушал старушку, измерил у неё артериальное давление и поставил диагноз: Гипертоническая болезнь, преходящее нарушение мозгового кровообращения.

- Давление у вас 200 на 120.
- Чувствую, что повысилось, – согласилась женщина.
- Октябрина Сергеевна, я предлагаю вам прямо сейчас поехать в стационар...
- Только не в больницу.

Доктор был молод и совершенно искренне старался помочь больному человеку:

– Но это очень серьезно.

– Нет, молодой человек, в больницу я не поеду.

– Октябрина Сергеевна, давление мы вам сможем понизить и в домашних условиях, но эпизод онемения на лице и затруднения речи, говорит о нарушении мозгового кровообращения. Это гораздо опаснее гипертонического криза.

– Дома останусь, – категорично заявила больная.

– Вы живете одна?

– Да.

– Тем более, очень опасно оставаться.

– Старость, молодой человек, не вылечить.

– Ваше право, но я должен написать, что вы отказались.

– Пишите, пишите, я распишусь...

Медицинская сестра сделала назначенные врачом инъекции. Минут через десять доктор перемерил давление и произнес:

– 160 на 90. Снизилось до ваших рабочих цифр.

– Вот и хорошо, спасибо вам голубчик...

– Октябрина Сергеевна, ещё раз предлагаю поехать в стационар. Там проведут полный курс лечения.

– Нет. Незачем мне больничную койку занимать, – ответила женщина.

* * *

Соседку и почти ровесницу Октябрины Сергеевны звали

Виктория Алексеевна Царева. Она зашла провести Октябрину Сергеевну в тот же день вечером. Жили пенсионерки на одном этаже.

– Вика, заходи. Очень хорошо, что ты заглянула, – Октябрина Сергеевна была рада визиту своей подруги.

Виктория Алексеевна шаркающей походкой прошла в комнату, медленно опустилась на стул, придирчиво посмотрела на хозяйку квартиры и спросила:

– Какие новости?

– Опять вызывала скорую.

– Снова был криз?

– На этот раз врач сказал, что ещё и нарушение кровообращения в мозге.

– Инсульт?

– Наверное. Такой молодой доктор, очень уж он хотел меня в больницу госпитализировать.

– Значит, надо было соглашаться.

– Ну, кому я нужна, Вика? Я теперь только одного и хочу – дома умереть. Что бы не мучиться, и других не мучить.

– Глупости, сейчас столько лекарств от гипертонии...

– Давай, сегодня о болячках не будем, – предложила Октябрина Сергеевна.

– Давай не будем, – согласилась Виктория Алексеевна. – Хотя я совершенно не представляю о чем ещё можно говорить в нашем возрасте.

– Подожди... – с этими словами хозяйка квартиры вышла

из комнаты и довольно быстро вернулась, держа в руках что-то завернутое в грубую ткань. – Я хочу тебе кое-что показать.

Октябрина Сергеевна развернула самую обыкновенную мешковину и достала из неё картонную коробку.

– Сокровища в мешке? – улыбнулась Виктория Алексеевна Царева.

– Ты угадала, – серьезным тоном ответила Октябрина Сергеевна, открыла коробку и высыпала её содержимое на стол.

Виктория Алексеевна нагнула голову, несколько секунд молча рассматривала ювелирные изделия из золота и серебра с драгоценными камнями, а потом по театральному всплеснула руками:

– Октябрина, это же огромное богатство...

– Конечно.

– И это всё твоё?

– Да.

– Я глазам своим не верю.

– Напрасно.

– И ты... имея такое... вот так... жила все годы?

– Досталось мне это по наследству, поздно, когда уже муж умер. От тетки, которая жила во Львове.

– Лучше, конечно же, на одну пенсию перебиваться.

– Вначале думала на черный день.

– Тут не на черный день, а на черный год хватит.

– Последние годы и запросов то у меня не стало, да и бо-

ялась я...

– А теперь? – спросила Виктория Алексеевна.

– Теперь надо мне определяться.

– И как ты собираешься определяться с таким богатством?

– В Нижнем Новгороде у меня двоюродная сестра живет, ей после смерти я оставлю свою приватизированную квартиру, а в Екатеринбурге – племянница, вот ей я и хочу передать все эти вещи.

– Сколько лет-то племяннице?

– Взрослая уже. Лет тридцать.

– Она хоть знает, что у неё тетка есть?

– Знает. На праздники всегда открытки присылала.

– Ну, раз открытки присылала...

– Я так подумала, мне это от тетки досталось по воле случая, пусть теперь также к моей племяннице перейдет.

– Октябрина, тебе решать, что и кому.

– Не в могилу же мне это уносить...

– Опять ты о грустном.

– В нашем с тобой возрасте оставаться оптимистом довольно странно. Все равно вскрытия не избежать.

– Но и живьем себя хоронить не стоит.

– Вика, на днях я планирую оформить все.

– Оформляй.

– Посоветуюсь, как лучше составить завещание, а тебе это говорю, потому что квартира никуда не денется, а вот короб-

ку я храню... Пойдем покажу тебе на всякий случай... Ты будешь знать, где она лежит... Ты о ней потом и расскажешь моей племяннице... Тебе я верю.

Глава 2

Тринадцатилетний Денис Круглов закончил урок музыки на фортепиано, от которого его просто поташнивало.

Музицировал Денис у себя дома, преподаватель приходила два раза в неделю, занятия длились бесконечно долгих полтора часа с двумя совсем крошечными перерывами по десять минут.

Училка попрощалась и удалилась. Она упорно задавала ему одни классические произведения, стараясь развить у ученика одновременно и технику игры, и вкус.

Денис не особенно увлекался даже современной молодежной музыкой, а классическую, мягко говоря, не понимал. Он, вообще, любил только компьютер, но папа и мама считали, что их ребенок должен иметь хоть какое-то музыкальное образование.

Денис прошел в свою комнату и включил машину. Компьютер загрузился, и из колонок прозвучало:

– Я готов, хозяин.

Подросток приступил к игре, но теперь из коридора донесся голос его мамы:

– Денис, собирайся. Сейчас съездим навестим бабушку Вику.

– Может быть, я лучше дома останусь?

– Мама лучше знает, что будет *лучше*, – строго ответила

женщина. – Поторопись, бабушка ждет нас к четырем часам.
Денис был вынужден выключить свой горячо любимый компьютер.

Часом позже Денис уже сидел на балконе и ел клубничное мороженое. Баба Вика всегда встречала своего внука чем-нибудь вкусеньким.

Сейчас подросток мечтал о том, как было бы здорово заиметь новую модель компьютера.

Мама и бабушка разговаривали в комнате, но дверь на балкон была открыта и Денис хорошо слышал, о чем шел разговор у взрослых.

– Октябрина совсем разболелась. Каждую неделю по два-три раза вызывает к себе скорую.

– Родственников у неё нет?

– В Нижнем Новгороде есть двоюродная сестра. Это я знала, а вот про племянницу из Екатеринбурга она мне впервые сказала.

– Мама, я пока совершенно не понимаю, что тебя так сильно взволновало? Конечно, она твоя подруга, ты за неё переживаешь...

– Все дело в том, что оказывается, у неё есть такое богатство.

– Богатство?

– Не поверишь...

– Сто долларов?

– Нет, кольца с дорогими камнями, ожерелья, браслеты...

Целая коробка. И коробка не маленькая.

– И все это она держит у себя дома?

– Да.

– Вот бы никогда не подумала.

– Не представляешь, как я удивилась.

– Ну, хорошо мама, это эмоции. Неужели тебя так разволновало увиденное, даже если речь идет о миллионном состоянии?

– Дело не в этом.

– Пытаюсь понять в чем.

– Октябрина собирается писать завещание. Квартиру она оставляет двоюродной сестре из Новгорода, а драгоценности – племяннице из Екатеринбурга.

– Уж не хочешь ли ты, мама, тоже в наследницы записаться по старой дружбе с Октябриной Сергеевной?

– Ерунду не говори, – Виктория Алексеевна строго посмотрела на дочь. – А позвонила я тебе, потому что действительно сильно испугалась. Октябрина показала мне место, где хранит все это.

– Тайник?

– Какой там тайник. Завернула коробку в тряпку и положила её на верхнюю полку в стенном шкафу в коридоре.

– Не слишком надежное место.

– То-то и оно.

– И зачем она тебе все показала и рассказала?

– Боятся, что умрет скоропостижно. Квартира никуда не денется, а где лежат драгоценности, кто-то должен знать. Я у неё оказалась единственной во всех отношениях ближайшей подругой.

– Ну, если беда случится, объяснишь законному наследнику, где клад спрятан. Так я и не поняла, чего ты испугалась.

– А вдруг, кто-нибудь ещё при её жизни залезет к ней в квартиру, да и украдет всё. Она ведь точно на меня подумает.

– Мама, ты сама-то понимаешь, какую глупость сказала?

– А вдруг?

– Кто же полезет к одинокой, бедной пенсионерке.

– Ох, боюсь я. Сердце не на месте.

– Извини, но сто лет к твоей подруге в квартиру никто не лазил, и в ближайшее время не полезет.

В этот момент Денис даже перестал есть мороженое. В его голове звучали обрывки фраз из диалога бабушки и мамы: «Полная коробка драгоценностей... Завернула коробку в тряпку и положила её на полку в стенном шкафу в коридоре...»

Подросток понял, что речь идет об Октябрине Сергеевне – бабушкиной соседке.

Единственного друга Дениса звали Антон. Антону тоже было тринадцать, но маленький и худой выглядел он лет на десять-одиннадцать. Сближала мальчишек любовь к ком-

пьютерам. Оба они не гоняли на роликах, не катались на досках и не играли в футбол. Но если у Дениса компьютер стоял дома, то малообеспеченные родители Антона купить сыну такую дорогую игрушку не могли. Антон ходил в детский компьютерный клуб, часто заглядывал поиграть к Денису.

После того, как Денис услышал о несметном богатстве одинокой и очень старой женщины, у него появился план. На горизонте замаячила возможность значительно улучшить свой компьютер, и помочь Антону, наконец-то, тоже приобрести *машину*.

Антошка уже ждал на улице.

– Привет, – первым поздоровался Денис и по-взрослому пожал руку своему товарищу.

– Привет. Что звонил?

– Слушай, Антон, есть дело.

Денис пересказал другу услышанный разговор бабушки и мамы.

– И что? – спросил Антон.

– Нам бы одну вещь из этих драгоценностей украсть, – ответил Денис.

– Украсть? – изумился Антон.

– Тебе, Антошка, деньги на компьютер нужны? И мне чтоб свой компьютер улучшить тоже нужны.

– А как я объясню старикам, откуда у меня такие деньги взялись?

– Вначале надо вещь стянуть, потом ещё продать, а по-

том уж придумаем что-нибудь. Конечно, покупать компьютер придется по частям, чтобы не подозрительно было.

– Нет, я воровать не буду.

– Бабка старая, больная. Живет одна. Родственники в других городах и ничего не знают о её богатстве.

– Нет, Денис, я не согласен...

– Да никто и не заметит, взять надо только одну вещь, а их у неё целая коробка.

– Как взять?

– Есть у меня план.

– А если поймают? – после паузы спросил Антон.

– Если поймают, отвечать будем вместе.

* * *

Антон дрожал от страха, а сердце подростка готово было выпрыгнуть из груди, но он все-таки позвонил в квартиру, где жила Илларионова Октябрина Сергеевна.

Октябрина Сергеевна подошла к двери и посмотрела в глазок. Совсем юное создание, к тому же уменьшенное оптическим прибором, стояло на лестничной площадке.

– Кто там? – спросила женщина.

– Скажите пожалуйста, у вас есть старые журналы или не нужные книги? – поинтересовался детский голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.